

Токио.

Моросил дождь. Свинцовое небо навивало тоску. Я брел к отелю по мокрому асфальту тротуара, а мне навстречу двигалось море зонтиков. Нет не море, океан. Разноцветные зонтики, большие и маленькие. Они окружали меня со всех сторон и звали с собой. Но я сопротивлялся зонтичному течению и упорно шел к отелю. А вчера светило солнце и было довольно тепло, хотя иногда набегавший с океана ветерок пробирался сквозь одежду.

Я бродил по Токийским улицам и закоулкам. Продирался сквозь шумную толпу в Электрик Таун – Гинза. Переходил громадную площадь перед императорским дворцом. Вдыхал аромат цветов в скверах Шибуйа. В поисках японского ресторана зашел в китайский. Разглядывал нагромождение домов, дорог, каналов и мостов в Минато-ку. Заглянул в русский храм Николай-до. Говорят, японцы с одинаковым уважением относятся ко всем религиям и часто посещают храмы разных религий. Японские бабушки в русской церкви в Токио удивительным образом напоминают русских бабушек. Те же платочки и искрящиеся верой и любовью глаза.

Я ушел далеко от центра Токио. Мой фотоаппарат не давал мне покоя. Я как охотник выслеживающий добычу вглядывался в каждый уголок города, выстраивая композицию в кадр. Наконец стало смеркаться. Я потерял ориентиры – высотки современного Токио и потерялся. Не заметно я забрел в квартал, состоящий из приземистых домиков, тесно прижавшихся друг к другу. Редкие прохожие торопливо проходили мимо меня, сворачивая в темные переулки. Обилие дверей, калиток и нагромождение телевизионных антенн на крышах выдавали спальный район японской столицы. Я остановился у автомата с пивом и чаем. Опустил монетку в щель автомата и получил пластиковую бутылочку с противным чаем «сантори» к которому я уже стал привыкать. Неожиданно нахлынувшая тоска от одинокого блуждания по чужому городу ввергла меня в уныние. Мне захотелось домой, к жене и детям, в Россию. Где же выход из этого лабиринта? – твердил я себе под нос, безрезультатно пытаюсь найти выход на большую дорогу, где можно было поймать такси и уехать в отель. И вдруг, о чудо. Слева от меня чуть впереди показался знакомый силуэт русской избы. Обветренные полукружья бревен, низкое окно и за ним такие родные ситцевые занавески. Узкая дощатая дверь была слегка приоткрыта, изнутри доносились звуки русской мелодии, кажется, «калинка, малинка». А над дверью большими буквами по-русски гласило «Русская изба». «Пути Господни неисповедимы» - пронеслось в моей голове и я, недолго думая шагнул внутрь. Старый японец за стойкой встретил меня добродушным взглядом. Несколько японских фраз и в проеме кухонного окна показалось русское лицо. Женщина лет шестидесяти улыбнулась, увидев забредшего в избу, на огонек соотечественника и предложила мне сесть за столик. Я не стал изучать меню и размышлять о гарнирах. Вот необыкновенное качество русской кухни. Достаточно всего одного блюда, одной живительной субстанции способной утолить и животный и душевный голод русского человека.

Борща, хозяйюшка – в предвкушении и вкуса и духа, воскликнул я.

Борщ был на славу. Удивительно, что так далеко от дома, на дальнем, дальнее не куда, Востоке, я кушал самый настоящий русский борщ, в

русской избе. Поблагодарив хозяйку по-русски, сказав японцу «аригато», я вышел на улицу. Удивительным образом окружающий меня город преобразился, и я был полон сил. Всего через каких-то пару сотен метров я вышел на шоссе. Без труда поймал такси и, усевшись позади водителя, ехал через весь Токио в отель. Город мелькал за окном машины, сверкая огнями реклам и вспыхивая подсветкой витрин. Удивительно красивый, чужой и манящий Токио проплывал за окном и где то там, на окраине города, жалась к японским «картонным» домикам «русская изба» с борщом и водкой.

© Dmitry Maslov